
К 200-ЛЕТИЮ К. МАРКСА

TO THE 200th ANNIVERSARY OF K. MARX

УДК 316.26

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА МАРКСИСТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КАРЛА МАРКСА

С. А. ШАВЕЛЬ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, д. 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Проведен анализ эвристических перспектив марксистской социологии. Раскрывается суть бинарной оппозиции оценок данной области знаний. Показана роль аналитического марксизма в современных социологических исследованиях и формировании мировоззренческих установок разных социальных групп. Приведены отзывы известных социологов – Э. Дюркгейма, М. Вебера, Н. Смелзера, Т. Парсонса и других ученых – о вкладе К. Маркса в социологическое знание. Обоснована целесообразность переосмысления марксовских интуиций и переформулирования понятийного аппарата с учетом современных тенденций развития общества.

Ключевые слова: марксистская социология; постэкономическое общество; социальная справедливость; аналитический марксизм; отчуждение; эксплуатация; бинарная оппозиция; солидарность; идентификация; коллектив.

Образец цитирования:

Шавель С. А. Эвристическая перспектива марксистской социологии: к 200-летию со дня рождения Карла Маркса // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 1. С. 47–62.

For citation:

Shavel S. A. Heuristic perspective of marxist sociology: to the 200th anniversary of Karl Marx birthday. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 1. P. 47–62 (in Russ.).

Автор:

Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Sergei A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; principal researcher.
d-v-nazarova@yandex.by

HEURISTIC PERSPECTIVE OF MARXIST SOCIOLOGY: TO THE 200th ANNIVERSARY OF KARL MARX BIRTHDAY

S. A. SHAVEL^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The heuristic perspectives of Marxist sociology are analyzed. The essence of the binary opposition of assessments of attitudes toward Marxist sociology is revealed. The role of «analytical Marxism» in modern sociological research and the formation of worldview attitudes of different social groups is shown. There are reviews of well-known world sociologists such as E. Durkheim, M. Weber, N. Smelzer, T. Parsons and others. They are about the contribution of Marx to sociological knowledge. The expediency of Marx's intuitions rethinking and the reformulation of the conceptual apparatus taking into account the current trends in the development of society is substantiated.

Key words: Marxist sociology; post-economic society; social justice; analytical marxism; alienation; exploitation; binary opposition; solidarity; identification; collective.

Легко сослаться на опыт,
гораздо труднее его использовать,
еще труднее его забыть.

Р. Арон

Отношение к марксизму

Незадолго до распада Советского Союза, в 1990 г., теоретический клуб «Свободное слово» при Союзе кинематографистов СССР провел дискуссию со странным названием «Жив ли марксизм?». Выбор такой темы сам по себе акцентировал два момента: во-первых, объективный – указание на кардинальное изменение общественной ситуации за время перестройки, провозглашенной М. С. Горбачёвым, ибо до нее, начиная с 1917 г., такой вопрос в публичном издании был бы немислим ни по формально-правовым нормам, ни по теоретико-логическим основаниям; во-вторых, субъективный – ориентацию на протекающие изменения ценностного сознания в оптимистическом (от лат. *optans* – желательный) наклонении.

Социологический подход для выяснения вопроса о том, как население относится к важным явлениям духовной или социально-экономической жизни общества, требует учитывать, что в тех исследованиях, в которых предметом является не просто оценка фактов, а герменевтика (понимание, толкование) проблемы, респондент оказывается в двойственном положении: с одной стороны, он является случайным членом выборки, с другой – одновременно и экспертом по данной проблеме. В первом случае ему достаточно дать рецептивный ответ о факте, содержащемся в вопросе, высказать собственное мнение о нем, свое сиюминутное восприятие; во втором – экспектации (ожидания) направлены на получение рефлексивных оценок. Можно привести следующие примеры исследований, в которых респондент выступает и в роли эксперта: выявление отношений к разным формам собственности, видам предпринимательства, реформам налогообложения, образования, пенсионной систе-

мы, к тем или иным актуальным международным проблемам и т. д. Главное в таких опросах – личный опыт респондента, его готовность к добровольному участию. Для этого формируются специальные, целенаправленные выборки, а также вводится альтернатива «Затрудняюсь ответить».

Если бы сегодня проблема отношения к марксизму была реактуализирована, то при ее изучении социологическими методами следовало бы учитывать, что респонденты должны иметь достаточно ясное представление о его зарождении и последующей эволюции в борьбе со многими течениями (в XIX в. и позже); уметь правильно истолковывать известные слова К. Маркса относительно некоторых прозелитов (в частности, итальянских): «Если они марксисты, то, значит, я не марксист»; задумываться о том, хотел ли К. Маркс превратить свое учение в государственную идеологию, если они с Ф. Энгельсом первыми назвали идеологию «ложным сознанием», навязываемым сверху, или о том, можно ли возлагать на марксизм ответственность за реальную историю XX в. – не равносильно ли это перекладыванию вины за инквизицию на Иисуса Христа, за мусульманские погромы христиан – на автора Корана Мухаммеда, за средневековую схоластику – на Аристотеля и т. д.

Однако нельзя не признать, что на рубеже 1980–90-х гг. к Монблану антимарксистских публикаций ангажированных, как правило западных, авторов были добавлены и выступления многих советских публицистов, некоторых писателей, ряда гуманистов, многие из которых имели ученые степени (кстати, нередко присвоенные за работы по марксизму) и научные звания – от доцента до академика, – занимали высокие должности в сфере об-

разования, как, например, Ю. Н. Афанасьев, доктор исторических наук, профессор, в те годы ректор архивного института, и ряд других деятелей. Их критика марксизма отличалась особой рьяностью, часто была обусловлена личностной заинтересованностью и направлялась против государственного устройства, руководящих органов и лиц. Так, один из самых активных обличителей марксизма, доктор философских наук А. С. Ципко, на упомянутой дискуссии утверждал: «Ни в коем случае нельзя связывать наше будущее с Марксом. Этот ученый был противником всего, чего нам сейчас не хватает. Он был противником общечеловеческой морали, религиозного чувства, принципа разделения властей, конкуренции, прав и свободы личности, частной собственности... основного принципа христианской культуры, демократии, он был противником принципа полного духовного суверенитета каждой личности» [1, с. 347]. Однако далеко не все из этого перечня отрицал К. Маркс, о чем мы скажем ниже. Главное же, что удивляет: А. С. Ципко не назвал самые значимые явления, с которыми К. Маркс всю жизнь вел непримиримую борьбу: эксплуатация человека человеком; незаслуженное и неоправданное расслоение по имущественным, образовательным, расовым, гендерным и иным критериям; социальная несправедливость во всех ее формах – от простого обмана, обвеса, жульничества в повседневных интеракциях до спекулятивных поборов, проводимых богатыми странами, их транснациональными компаниями в отношении стран и регионов, отстающих в промышленном развитии; колониализм XIX в. и современный неоколониализм, национализм, шовинизм, ксенофобия; трансгрессивные, гомосексуальные и другие перверсии, ведущие к девальвации и подрыву семейных устоев; социал-дарвинизм, евгенизм, расизм, геноцид и т. д.

Полезно вспомнить, что незадолго до упомянутой дискуссии А. С. Ципко опубликовал в журнале «Новый мир» большую статью «Хороши ли наши принципы?». Формально (по названию) эта статья была ответом на известное письмо Н. Андреевой¹, но автор неожиданно расширил контекст (от лат. *contextus* – тесная связь, т. е. отрывок текста, по которому можно определить смысл целого и целенаправленность отдельных суждений). Так, А. С. Ципко подчеркивал: «В марксизме, в его чистых, глубоких принципах ищут панацею от нынешних бед представители довольно-таки различных политических направлений и убеждений. И сталинисты типа Нины Андреевой, и антисталинисты, как, скажем, О. Лацис, Г. Лисичкин, А. Бутенко, и демократы, считающие себя подлинными европейцами, интернационалистами, и государственники, называющие себя патриотами России. И члены межре-

гиональной группы, и их ярые противники. Люди борются, хватают друг друга за грудки. Но при этом одновременно торопятся присягнуть на верность марксизму, а заодно и застолбить за собой право выступать в качестве его единственно верного толкователя» [2, с. 175]. Себя автор в их число уже не включает, он не хочет быть единственно верным толкователем марксизма, каким выглядел в одной из своих первых книг «Идея социализма», в которой показывал, как правильно понимать эту идею с марксистских позиций и эффективно претворять ее в жизнь. В статье А. С. Ципко демонстрирует свою убежденность в том, что во всех социалистических странах Восточной Европы «всем с самого начала был виден корень зла, были видны марксистские доктринальные причины застоя в экономике и насилия в политической жизни. Тут всем было ясно, что не может быть какого-либо разговора о духовной свободе, пока не будет покончено с марксистской монополией на социальную истину, с мифом, согласно которому только марксизм является научной и верной социальной теорией» [2, с. 174]. Из контекста приведенных высказываний видно, что смысл публикации А. С. Ципко состоит в том, чтобы оказать как можно большее суггестивное воздействие на общественное сознание, а цель автора – устранить марксизм как из организации системы хозяйствования и политики, так и из социальной сферы и духовной жизни.

Что касается влияния на общественное сознание, то можно констатировать, что еще в 1990-х гг. на всем постсоветском пространстве марксизм был вытеснен из общественной мысли и социогуманитарного знания: из библиотек, книжных магазинов, системы образования, СМИ, интернета, издательств... В начале этого процесса Сергей Чернышёв писал: «Покуда Маркс лишь выходит из моды. Говорить о нем, ссылаться на него становится дурным тоном. Он окружен стеной молчания. Общественное мнение исподволь готовится санкционировать расправу над своим былым кумиром. Естественно – и это тоже “по-нашему”, – аргументы по существу дела никого не интересуют» [3, с. 156].

Не менее активно шла борьба за замену прежних социалистических принципов на прокапиталистические (частная собственность, рынок, конкуренция, приватизация, денационализация и др.). В этом направлении широко пропагандировались в переводе на русский язык работы М. Фридмана, Ф. А. фон Хайека, Дж. Сороса и других зарубежных авторов. Эти публикации, как правило, практически не анализировались. В нашей статье об одной из книг Ф. А. фон Хайека отмечалось: «Представления автора о том, что при капитализме все дееспособные заняты предпринимательством,

¹См.: Андреева Н. Не могу поступаться принципами // Совет. Россия. 1988. 13 марта.

не меньшая иллюзия, чем та, что при социализме все охвачены трудовым энтузиазмом» [4, с. 54].

В целом публикация А. С. Ципко задумана, судя по всему, как глубокий фундаментальный анализ марксистского доктринального комплекса, породившего многие причины неудач, ошибок и просчетов в экономической и других сферах общественной жизни страны. Трудно признать эту работу вполне верифицированной (доказательной) в отношении как отдельных стран, так и социализма как формации. Слишком много возникает вопросов и противоречий при условии принятия исходного тезиса о том, что во всех наших бедах, ошибках, просчетах виноват марксизм.

1. Если это так, то чем объяснить заметную дифференциацию предприятий материального производства, хозяйств агропромышленного комплекса, учреждений духовной сферы? Почему наряду с убыточными существовали и существуют в настоящее время многие высокоэффективные трудовые коллективы? Только в сельском хозяйстве Беларуси насчитывались десятки колхозов, которые и в советское время были передовыми, образцовыми, рентабельными, высокопроизводительными (председатели – Орловский, Бедуля, Старовойтов и др.). Могли ли марксистские принципы, как бы к ним не относились, помешать остальным (хотя бы большинству) идти по их пути, брать и воплощать в жизнь их пример?

2. Социал-демократы во многом разошлись с коммунистами, тем не менее своих марксистских корней они никогда не отрицали, не случайно было выбрано и название Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), первый съезд которой прошел в Минске (память об этом хранится и сегодня: в центре города находится одноименный музей). Тем не менее советские коммунисты невольно помогли прийти к власти в Германии лидеру социал-национализма Гитлеру, поскольку всячески дискредитировали социал-демократов в глазах немецкого электората, «раскрывая» их политические ошибки и ревизионистскую направленность. Сегодня же все признают, что в социал-демократических странах – Швеции, Швейцарии, Австрии, Финляндии – успешно строится реальный социализм. И что главное – не требуя уничтожения марксизма, эти государства спокойно исправили то, что, по их оценкам, не подходило местным условиям, ментальности и ожиданиям (ожиданиям) населения.

3. Китай – одна из немногих стран, опыт которых крайне важен для понимания перспектив марксизма. Последнее Всекитайское собрание народных представителей (март 2018 г.) отменило прежнее ограничение пребывания в должности председателя и вице-председателя КНР двумя пятилетними

сроками. Одновременно в Конституцию КНР внесены идеи Си Цзиньпина о трех эрах Китая. Первая эра – времена Мао Цзедунa, который объединил опустошенную гражданской войной страну и удержал ее от распада; вторая – развитие и рост благосостояния при Дэн Сяопине; третья, современная, – развитие социализма с китайской спецификой. В новой эре китайцы будут жить еще богаче и сплоченнее, а страна станет лидером мирового сообщества и примером для подражания. Китай, конечно, не отрекается от марксизма, лишь обогащает его с учетом национальной специфики. В экономике Китай демонстрирует самые высокие темпы роста, уже сегодня в знаменитом рейтинге *Fortune Global*, включающем 500 крупнейших мировых компаний, представлены 115 организаций из КНР (23 %). Объявлено о планах сделать юань мировой валютой, что позволит миру, в том числе Евросоюзу, избавиться от удавки доллара.

Перечисление подобных примеров, достойных обсуждения в контексте отношения к марксизму, можно продолжать. Нет сомнения, что информацией о них владел во время работы над своей статьей и А. С. Ципко. Неясно только, почему хотя бы мимоходом автор не затронул такие темы в довольно обширной аналитике своего труда. Неужели он действительно так убежден, что марксизм полностью исчерпал себя, что никакого эвристического потенциала для анализа сегодняшней ситуации и хотя бы ближайшего будущего у него не осталось? Казалось бы, такому выводу противоречат отдельные высказывания А. С. Ципко. Так, во время дискуссии он говорит: «Любому цивилизованному человеку ясно, что Маркс есть Маркс, один из многих мыслителей в истории нового времени, который внес существенный вклад в развитие социологической мысли. Всегда будет сохранять культурную ценность его попытка создать целостное видение исторического процесса, система социологических категорий и понятий, какие он ввел в оборот. Не зная работ Карла Маркса, нельзя стать профессионально подготовленным социологом. Это несомненно» [1, с. 345–347].

Эти мысли, особенно относительно подготовки профессиональных социологов, можно только приветствовать и бесконечно цитировать, несмотря на компилятивный оттенок. Но, опять-таки, почему бы здесь не вспомнить известных мыслителей из Московской марксистской школы, которые внесли огромный вклад в популяризацию марксизма и его облагораживание не только среди западных читателей, но и среди советского студенчества, пытаясь преодолеть навязываемые ему ортодоксальные толкования в духе «земшарного» революционаризма, перманентного бабуизма² и развить в конструк-

²Тракх Бабеф (1760–1797) – французский мелкобуржуазный утопист, проповедовавший идеи эгалитаризма (уравнительности) и делавший ставку на заговорческие, экстремистские методы борьбы.

тивном русле научные прозрения К. Маркса? В работах Э. В. Ильенкова, А. А. Зиновьева, П. Г. Щедровицкого, М. К. Мамардашвили, социолога Б. А. Грушина и их последователей выявилась ипостась К. Маркса как ученого, а не просто революционного идеолога или социального утописта. К сожалению, эта линия не была востребована у нас, но она не исчезла: ее подхватили и развили в Китае и других странах.

Конечно, А. С. Ципко знал названных исследователей, но он не присоединился к ним. Для цитируемой статьи он выбрал лейтмотивом «опровержение марксизма», камуфлируя его несколькими комплиментарными фразами. Это учение можно замалчивать, отказаться от его использования, однако опровергнуть марксизм невозможно в принципе. Думается, автор понял это и в своей критике обратился к социально-психологической схеме казуальной атрибуции, суть которой в приписывании рассматриваемому объекту – в данном случае советскому социализму – тех качеств и причинно-следственных связей, которые кажутся очевидными на обывательском уровне. Скажем, А. С. Ципко рассказывает, что в марте 1919 г., в разгар голода, Ленин с присущей ему страстью защищал закон, согласно которому «никто из рабочих и служащих не имеет права заводить в хозяйствах собственных животных, птиц и огороды, мол, если это сделать, то, пожалуй, все вернется к мелкому хозяйству, как было до сих пор» [2, с. 184]. Однако автор мог привести примеры и того, как во время Великой Отечественной войны предприятия распахивали землю вокруг городов и выделяли участки для всех работающих. В другом месте А. С. Ципко пишет о заградительных отрядах против спекулянтов-мешочников, доставлявших в голодающие города продовольствие. Вряд ли подобные примеры позволяют без конкретного анализа что-нибудь опровергнуть.

Иная логика прослеживается в работах известного канадского философа Уилла Кимлика, который отмечал: «В связи с дискредитацией и в конечном счете падением коммунистических режимов в Восточной Европе часто говорят, что марксизм ныне “мертв”, выброшен на свалку истории, как до этого теории теократии, феодализма или абсолютной монархии. Но удивительным образом гибель коммунистических режимов на Востоке шла параллельно с возрождением марксистского теоретизирования на Западе. Маркс и марксисты почти или полностью игнорировались англо-американскими философами на протяжении большей части XX века. Однако в последние 20 лет пошла лавина работ о марксизме и попытки переформулировать Марксовы теории. Это движение известно как “аналитический марксизм”, так как его сторонники стремятся переосмыслить интуиции Маркса, используя приемы и методы англо-американской философии и обществознания. Процесс “переос-

мысления” Маркса, конечно, имеет избирательный характер» [5, с. 220].

Идея переосмысления интуиций К. Маркса была необходима СССР раньше. Казалось, что такая возможность появилась во время так называемой оттепели, о чем свидетельствовали разработки участников Московской марксистской школы, являвшихся, как правило, участниками Великой Отечественной войны. Но вскоре на первый план вышли факторы торможения, и в период застоя развитие марксизма в социологическом измерении – как обществоведения и человекознания – было вновь остановлено. Избирательный подход в этом процессе осуществлялся только усилиями зарубежных марксистов. Как отмечает У. Кимлика, большинство аналитических марксистов не хотят защищать исторический материализм, теорию классовой борьбы, неизбежность пролетарской революции и окончательного ниспровержения капитализма. Вместе с тем они активно разрабатывают нормативные основания своей приверженности данному учению. Это объясняется существенным изменением интеллектуальной ситуации. Пока марксисты верили, что социализм неизбежен, не было необходимости объяснять, почему он желателен, – он был просто конечным пунктом predetermined последовательности исторических событий. Сегодня же стало ясно, что для воплощения идеалов социализма следует убедить людей в том, что эти идеалы морально оправданы и стоят того, чтобы к ним стремиться, ведь многие рабочие, служащие сферы услуг часто голосуют за партии прокапиталистической направленности. В США такими являются демократы, и республиканцы, а рабочей партии фактически нет. Особое внимание аналитический марксизм уделяет проблематике социальной справедливости. Как заметил Дж. Ролз, справедливость – не одна из множества политических ценностей, таких как свобода, солидарность и эффективность, а стандарт, в соответствии с которым измеряется важность других ценностей [6, с. 19].

Амбивалентное отношение к марксизму, в том числе и у некоторых его сторонников, возникало не в последнюю очередь из-за того, что аутентичные тексты классиков состояли из двух разнородных компонентов, которые не всегда поддавались строго логическому синтезу, к которому они стремились. Первый из них – труды, касавшиеся концептуализации и пропаганды революционного движения. Помимо монографических работ, в которых раскрывались истоки и причины классовой борьбы, эксплуатации, отчуждения, несправедливости, в этом блоке было много манифестаций, прокламаций, призывов, инструкций и пр. В силу определенной адресности – обращенности преимущественно к бедным слоям населения – такие тексты требовали максимальной упрощенности

и лаконичности (уничтожение денег, отмена разделения труда, частной собственности, государства и т. п.). Позже эти идеи выразились в таких привлекательных лозунгах, как «Земля крестьянам, фабрики рабочим, мир народам», или в инфернальном высказывании «Поражение своего Отечества» и др.

Второй блок трудов К. Маркса и Ф. Энгельса составили глубокие теоретические разработки общечеловеческих проблем и общенаучных методов познания: антропологии – изучения человека и его «родовой сущности»; природы сознания и его соотношения с бытием, идеального, зеркального Я (через 40 лет скомпилированного Ч. Кули без ссылок на К. Маркса), коллективизма, корпоративного духа, науки как производительной силы, восхождения от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического, интерполяции (анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны), социального сравнения, социального наследования, семейных отношений, сферного подхода к анализу общества и многое другое. Характерно также, что К. Маркс при самой острой для его времени критике капитализма объективно оценил позитивную цивилизационную роль данной формации. По Марксу, это выразилось в том, что капитализм, *во-первых*, ликвидировал остатки феодализма – теократию, абсолютную монархию, вытеснил из экономической жизни и просвещения физиократов с их учением

о том, что главный фактор экономического роста и общественного богатства – земля и труд на ней; *во-вторых*, открыл широкий простор (в сравнении с предшествующими укладами) развитию промышленности, торговли и образованию, придав последнему светскую форму и назначение; *в-третьих*, освободил человека от личной зависимости (рабства и крепостничества, вассала от сюзерена), заменив ее зависимостью вещной; *в-четвертых*, ускорил развитие производительных сил, освоение ранее не используемых или заброшенных, непригодных для строительства или земледелия территорий планеты; *в-пятых*, сделал фактором экономического роста научно-технический прогресс (НТП), стимулировал инновационный курс, придал науке, образованию, культуре и искусству высокий престиж в системе профессии и разделения труда. Маркс не возлагал вину за угнетение рабочих на конкретных работодателей. Он специально отмечал: «Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических отношений и интересов. С моей точки зрения, меньше чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось над ними субъективно» [7, с. 8].

Социология в составе марксистского учения

В ряде работ о К. Марксе, в том числе в публикациях отечественных авторов, акцентируется внимание на его резкой критике О. Конта (1798–1857) – основоположника позитивизма, который создал термин «социология». При этом подчеркивается, что К. Маркс крайне редко использовал данный термин в своих текстах, из чего якобы можно сделать вывод о его равнодушии к социологии. Такая логика вряд ли может быть оправданной. Во-первых, термин «социология» вошел в научный оборот в годы учебы К. Маркса в гимназии и, естественно, не мог быть им ассимилирован. Во-вторых, критикуя О. Конта, К. Маркс имел в виду не то, что он придумал название новой науки, а главным образом его позитивистские изыскания и оправдание капитализма: «Капиталист не потому является капиталистом, что он управляет промышленным предприятием, – наоборот, он становится руководителем промышленности потому, что он капиталист... Огюст Конт и его школа могли бы поэтому так же хорошо доказывать вечную необходимость феодальных господ, как они доказывали необходимость господ капиталистов» [7, с. 339]. В-третьих, К. Маркс сам объяснил те обстоятельства, в силу которых он вовлекся в поле социологии: «Моей специальностью была юриспруденция, которую, однако, я

изучал, наряду с философией и историей, лишь как дополнительную дисциплину» [8, с. 6]. Но, закончив университет, защитив докторскую диссертацию, он стал редактором издания «Рейнская газета» и столкнулся с реальными жизненными проблемами людей, их материальными интересами. Это были вопросы кражи леса и дробления земельной собственности, положения мозельских крестьян и покровительственных пошлин, новой прусской инструкции о цензуре и др. Все это потребовало эмпирического изучения и позволило собрать материал для выдвижения и обоснования таких фундаментальных интуиций, как сферное строение общества, соотношение бытия и сознания. Из этого следовал вывод о том, что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [8, с. 7].

Нетрудно заметить, что первый том труда «Капитал» буквально переполнен социологическими данными: сведениями о режиме и условиях труда, заработной плате и стоимости рабочей силы, жилищной проблеме рабочих и т. п. Известно, что К. Маркс раньше практикующих социологов Чикагского и других университетов разработал оригинальную «анкету для рабочих», включающую около 100 вопросов, многие из которых вполне приемле-

мы вплоть до наших дней. С учетом этого можно признать правомерными утверждения некоторых зарубежных социологов о том, что К. Маркс был экономистом и философом, стремившимся стать социологом.

Марксистская социология с момента своего рождения оказалась в центре полемики между-народной общественной мысли. В силу такого напряженного, а нередко и воинствующего противоборства не стоит удивляться тому, что достаточно часто неопиты марксизма по разным причинам покидали его. При этом, не желая обнародовать действительные причины, они использовали упомянутый выше метод каузальной атрибуции. Характерный пример из своей биографии приводит известный русский философ и социолог С. Булгаков: «...проблема хозяйства – о человеке в природе и о природе в человеке – в сущности никогда не сходилась с моего духовного горизонта, поворачиваясь лишь разными сторонами. Первоначальной попыткой философски осмыслить этот факт и была для меня теория экономического материализма (марксизма – С. Ш.), хотя эта теория очень скоро перестала удовлетворять сознание, однако те вопросы, на которые она по-своему отвечает, сохранили всю свою силу. И нельзя просто отвертываться от проблемы экономического материализма во имя отвлеченного идеализма, ибо такой “идеализм” не заключает в себе ровно никакого ответа на эту проблему» [9, с. 21–22]. Действительная причина отхода С. Булгакова от марксизма заключалась в мировоззренческом расхождении философов, а именно категорической ориентации учения К. Маркса на атеизм. Как сын священника в г. Ливны Орловской губернии, С. Булгаков воспитывался в строгой религиозной атмосфере, учился в духовном училище, и, конечно, атеизм вызывал у него душевный диссонанс. Неслучайно он принял сан священника, а духовную гармонию обрел, обратившись к исследованию Софии как премудрости Божьей. Однако Московская патриархия осуждала софиологию как ересь, на что мыслитель написал о себе такие слова: «...свой среди чужих, чужой среди своих, а в сущности нигде не свой» [9, с. 351]. Для нас этот пример показателен тем, что С. Булгаков не занял позицию абсолютного отрицания марксизма, как многие бывшие и современные антимарксисты. Он признал, что поставленные марксизмом вопросы «сохраняют всю свою силу», как и те ответы, которые им предлагались. Характерно также то, что аналогично мыслили и многие известные социологи – от современников К. Маркса до ученых наших дней: не компилируя друг друга, они отмечали то, с чем не согласны, и указывали, в чем видят исторический вклад учения марксистов, а также свою готовность к переосмыслению и развитию тех или иных идей.

Так, Э. Дюркгейм признавал плодотворной идею К. Маркса о том, что социальную жизнь следу-

ет объяснять не столько представлениями ее участников, сколько теми способами, которыми люди объединяются в определенные группы, ассоциации и т. п. Вместе с тем он сомневался в том, что классовая борьба является движущей силой истории, отмечая «грустное зрелище конфликта между классами» [10, с. 314].

Макс Вебер называл концепцию Маркса «наиболее важным для нас примером идеально-типической конструкции», ставя задачу «постоянно давать критический анализ всей литературы об этом великом мыслителе и всех работ, продолжающих его учение» (выделено нами. – С. Ш.) [11, с. 404], не отрицая его тезиса о доминирующей роли материальных интересов в историческом процессе. На примере протестантской этики М. Вебер утверждал значение идей: «Наше исследование могло бы послужить скромным вкладом для пояснения того, в какой форме “идеи” вообще оказывают воздействие на ход исторического развития» [11, с. 105]. Сегодня вряд ли кто-нибудь выдвинет по данному вопросу бинарное противопоставление, как, например, это сделал А. Тойнби, назвав религиозные идеи основанием цивилизации, полностью отбросив материальные жизнеобеспечивающие интересы. Теоретическая социология признает, что правы оказались оба: и К. Маркс, и М. Вебер обращали внимание на замечание последнего о том, в какой форме утилизируются как идеи, так и интересы.

Американский социолог Н. Смелзер оценивал роль К. Маркса следующим образом: «Хотя его предсказание мировой пролетарской революции оказалось неверным, его вклад в социологическое знание – особенно в области социальных классов и социальных изменений – по-прежнему остается значительным» [12, с. 7]. Аналогичный подход демонстрировал и Т. Парсонс, которого еще при жизни называли «живым классиком» социологии. Рассказывая в «Интеллектуальной автобиографии» [13] о начале своего пути в науке, он писал: «Проблему эмпирической интерпретации или диагноза нельзя адекватно разработать, если не попытаться создать более широкую, чем обычно, сверхэкономическую теоретическую рамку, внутри которой должна работать экономическая теория. При правильном подходе можно увидеть, что это было главной темой работ Макса Вебера, Дюркгейма и особенно Парето. Выявив эту тему в работах указанных авторов, не упуская из вида и Маркса, я попытался нащупать ее и в работах Альфреда Маршалла» [14, с. 21]. Именно поэтому Т. Парсонс называет К. Маркса «одним из дедов теории социального действия», но главное, что в пору маккартизма он широко использовал в своих работах многие марксистские термины – коллектив, социальный контроль, идеология, социальная справедливость, равенство, порядок, равновесие и др.

В современном социологическом словаре понятийный аппарат марксистского происхождения занимает значительное и семантически центральное место. Именно это не дает покоя непримиримым борцам с теми, кто выбирает социалистический путь и готов ему следовать. Одним из наиболее страстных противников социологии – не только марксистской, но и любой другой – многие годы оставался лауреат Нобелевской премии по экономике (1974) Ф. А. фон Хайек. По оценке ученого, «сама по себе социология, пожалуй, может называться наукой социалистической, поскольку ее открыто преподносили как способную создать новый социалистический порядок, а во времена не столь отдаленные – как способную предсказывать дальнейший ход развития и придавать очертания будущему или же творить будущее человечества» [15, с. 91]. Автор поставил перед собой задачу решительно очистить социогуманитарный словарь

от всех терминов, которые восходят к марксизму, т. е. образованы с добавлением прилагательных «социальный» или «общественный». В этот список он включил более 160 терминов. На самом деле их намного больше, к тому же следует учесть, что аналогичным способом образуются сложные понятия с прилагательными «экономический», «культурный», «биологический», «физический» и др. Понятно, что наука не может отказаться от данного алгоритма. Неслучайно предложение автора вызвало у ученых не столько удивление, сколько бурю насмешек над его «лингвистическими экзерцисами». Понятийный аппарат марксистской социологии будет, безусловно, совершенствоваться и развиваться по мере переосмысления ее содержания – концепции, принципов и методов исследования. Рассмотрим несколько вариантов реконструкции и переосмысления марксистской методологии и понятийного аппарата современной социологией.

Переосмысление прогноза Маркса: социологический анализ постэкономического общества

Идея постэкономического общества получает все большее распространение не только в научной литературе, но и в политических декларациях, материалах СМИ, массовом сознании и общественном мнении. Это объясняется тем, что в ней имплицитно присутствует прогностический вектор будущего. Известно, что знаменитое вопрошание *Quo vadis* (лат.), или *Камо грядеши?* (ст.-слав.), всегда живущее в глубинах народного духа, резко актуализируется в периоды нестабильности, реальных или надвигающихся перемен. Сегодня это все еще связано с банковско-ипотечным кризисом в США, иррадиация от которого распространилась на все страны мира и на все сферы общественной жизни – от экономики до повседневного быта. «Мир должен стать другим», обрести «новое равновесие» (В. Путин) – такие призывы звучат с разных сторон, в том числе и от многих политических лидеров. Это значит, что очередное восстановление статуса-кво, т. е. преодоление рецессии и возврат к докризисной ситуации, восстановление мира в Украине, Сирии и других горячих точках, признается и нежелательным, и невозможным. Необходимы модельные изменения мироустройства, а для этого крайне важно учитывать объективные тенденции самого исторического процесса. Приведенное выше вопрошание означает проблемную ситуацию судьбоносного выбора конкретных стран, народов, человечества в целом.

Социальная наука со времени своего зарождения и до наших дней разработала много теорий исторического развития общества. Одни из них, выполнив свою миссию в рамках определенного хронотопа (конкретного промежутка времени и локализованного пространства), сошли со сце-

ны: теории «золотого века» (Гесиод), «круговорота» (Дж. Вико), «осевого времени» (К. Ясперс), «трех стадий» (О. Конт), «прогресса разума» (И. Г. Фихте), «этического совершенства» (И. Кант) и другие концепции. Сегодня они архивизированы, но тем не менее выполняют важную функцию, предостерегая человечество от контрпродуктивных поисков в неадекватных направлениях применительно к сегодняшнему дню.

Другие теории сохраняют свое методологическое значение (понятийный аппарат, концептуальные предпосылки, критерии и принципы периодизации) для анализа современного общества и перспектив его развития. К их числу относятся формационная и цивилизационная теории. Не вдаваясь в детальный анализ, отметим следующие моменты. Формационная теория марксизма представляет собой первое системное понимание исторического процесса как самодвижения общества под воздействием внутренних источников. Такими источниками признаются диалектические противоречия между уровнем развития производительных сил и характером обусловленных ими производственных отношений, что находит свое социокультурное и экономическое выражение в борьбе интересов больших общественных групп – классов, слоев, страт, когорт и т. д.

Как подчеркивал В. Иноземцев, проведший всесторонний анализ литературы и разработавший собственную теорию постэкономического общества, «в той или иной форме оно (соответствие. – С. Ш.) признается сегодня представителями большинства социологических школ... <...> Характеризуя созданную основоположниками марксизма теорию в целом, следует отметить ее всеобъем-

лющий характер и жесткую последовательность, особенно заметную в фундаментальных методологических и теоретических вопросах» [16, с. 6, 68]. Разумеется, необходимо отличать теорию и практику ее реализации, учитывать и неоправданную нагруженность теории революционными лозунгами, и вульгаризацию отдельных положений, и наличие элементов догматизма, затормозивших дальнейшую ее разработку в соответствии с изменяющимися условиями. Однако вопреки утверждениям о гибели марксизма сегодня наблюдается неожиданный всплеск интереса к труду К. Маркса «Капитал», особенно в Германии. Так, за короткий срок здесь оказался раскупленным весь первый тираж, поэтому и пришлось несколько раз повторить издание.

Кроме того, единой целостной цивилизационной теории исторического развития нет. Под общим названием объединены весьма разнородные работы различных авторов – от Л. Моргана и О. Шпенглера до А. Тойнби и И. Валлерстайна и др. Сюда же относятся и разработки в области технотронного общества (З. Бжезинский), информационного общества (З. Тоффлер, М. Кастельс), глобализации (И. Валлерстайн, Ф. Фукуяма), постмодернизма (Ж. Бодрийар, З. Бауман, М. Фуко), и наиболее распространенное направление, известное как теория постиндустриального общества (Т. Веблен, Д. Белл, П. Дракер). Большинство авторов этих концепций, за исключением И. Валлерстайна, выступающего с неомарксистских позиций, отрицают и не принимают во внимание формационную теорию, сводя ее к учению о классовой борьбе или пророчествам относительно неизбежной гибели капитализма (К. Поппер). Характерно, что если А. Тойнби, Н. Я. Данилевский и другие мыслители выделяли локальные цивилизации и учитывали возможность их параллельного сосуществования в разных частях планеты, то постиндустриализм использует схему перехода, как и формационная теория. В нем выделяются семь сменяющих друг друга цивилизаций: неолитическая, восточно-рабовладельческая, античная, раннефеодальная, прединдустриальная, индустриальная и постиндустриальная.

На основе этих двух подходов, которые можно считать и парадигмами исторического развития общества, правомерен вопрос о том, как соотносится с ними новая теория постэкономического общества. Но прежде необходимо выяснить, что оно собой представляет, каковы его эмпирические признаки, чем оно отличается от других типов общества, например от постиндустриального; какие объективные тенденции определяют его развитие.

Первое, на что приходится обратить внимание, – это проблема терминологии. Очевидно, что префиксы «пост-» и «пре-» – не самая удачная форма образования сложных мыслительных конструк-

ций, выражающих те или иные состояния социума. В них нет семантической определенности, а лишь обозначения некоторого положения на оси времени относительно точки отсчета. Поскольку эти префиксы апеллируют к настоящему, то точка отсчета *per se* является условной, подвижной в том смысле что у каждой исторической эпохи свое настоящее.

Термин «постэкономическое общество» впервые стали употреблять американские социологи Г. Кан и А. Винер, позже – Д. Белл, Дж. Гэлбрейт и другие исследователи, обратившие внимание на то, что, во-первых, экономические институты современного общества вынуждены все более социологизироваться; во-вторых, возникают серьезные затруднения при экономической оценке знаний, информации. Традиционный стоимостный подход не может учесть неисчерпаемость знаний, неисчислимость затрат на их производство, эффекты саморазвития и множество полезных результатов, кроме прибыли.

Еще одно терминологическое затруднение связано с многозначностью понятия «экономика». Под экономикой в субстанциональном смысле понимается одна из сфер общества наряду с политикой, социальной сферой, идеологией, культурой. Сегодня выделяют «реальный сектор экономики», отличая тем самым собственно производство от иных инфраструктурных – сопутствующих, обслуживающих и т. д. – видов экономической деятельности. Но вместе с тем экономика – это и наука, и учебная дисциплина (экономическая теория, экономика отдельных отраслей и видов деятельности). Отмечая, что «рыночная экономика, строго говоря, не является “экономикой”, то есть “хозяйством”» [15, с. 193], Ф. Хайек предложил ввести «термин “каталлаксия” для обозначения предмета науки, которую мы обычно именуем экономикой, а сама наука могла бы называться “каталлактикой”» [15, с. 194]. Эти мудреные термины научным сообществом не приняты, но стремления выяснить соотношение экономики и хозяйства не прекращаются.

Сама идея постэкономического общества становится возможной только при различении содержания этих понятий, ибо если они тождественны, то невозможно опровергнуть точку зрения здравого смысла, согласно которой общество «без экономики», «за пределами экономики» – не более чем оксюморон. На наш взгляд, экономика и хозяйство являются не взаимодополнительными, как считает В. Иноземцев, а взаимоперекрещивающимися понятиями. Под хозяйством понимается все разнообразие форм жизнеобеспечения социума, его подсистем, ячеек и индивидов. Хозяйство может быть единоличным и коллективным, натуральным и рыночным, а также подразделяться по отраслям и видам деятельности. Совокупность всех региональных, отраслевых, специализированных форм

жизнеобеспечения общества образует народное хозяйство конкретной страны. Первостепенное место в этой системе принадлежит семье. В нашем языке утвердилось понятие «семейное хозяйство», в отличие, например, от англоязычного термина *household economy* – домашняя экономика. Правда, в последнее время и у нас зарождается собственно экономическое явление, называемое «семейный бизнес». На примере семьи хорошо видно, что в круг хозяйствования входят многие неэкономические занятия и функции – от воспитания детей, поддержания культуры быта и локальной экологии до организации церемониальных действий, например свадеб, юбилеев и т. д.

Экономика – это подсистема общества, обеспечивающая материальные условия жизни за счет производства и размещения ресурсов, обмена продукцией, а также создания материальной базы для всех остальных сфер общественной жизни. Нет сомнения, что имеется много видов работ, процессов, которые являются одновременно и хозяйственными, и экономическими, скажем, уборка урожая в сельском хозяйстве. Однако выращивание овощей для личного потребления – это занятие хозяйственное, но не экономическое. Вместе с тем далеко не все в экономике может быть названо хозяйственным, иначе потерял бы смысл термин «бесхозяйственность», характеризующий «производство ради производства», «работу на склад» и подобные явления.

На этом основании теория постэкономического общества подразделяет исторический процесс по известной схеме триады на доэкономический, экономический и постэкономический периоды. При этом критерии периодизации перестраиваются, как по сравнению с формационной теорией, так и в сопоставлении с постиндустриализмом и обществом «третьей волны» (Э. Тоффлер). В постиндустриализме деление общества на доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное проводится по следующим основаниям: уровень техники и технологии, методы производственной деятельности, основные используемые ресурсы, характер отношений человека к природе. У Э. Тоффлера критериями волн цивилизации выступают ведущие источники энергии, наиболее распространенные ресурсы, характер и содержание труда, информация как фактор производства.

В теории постэкономического общества выделяются следующие критерии: доминирующие интересы субъектов хозяйственной деятельности, их уровни и соотношения; характер деятельности и ее мотивация; социальные связи и отношения между людьми (индивидами) и общественными группами. С этой точки зрения в архаическом обществе хозяйство существует в примитивных формах (собирачество, охота, бортничество, рыбная ловля).

Экономики, как товарного производства и обмена, еще нет, поэтому данный период и назван доэкономическим обществом. В марксистской теории ему соответствует первая в истории человечества общественно-экономическая формация – первобытное общество. В западной литературе этот период уже давно переименован в архаическое (древнее) общество, хотя данный термин вряд ли является более содержательным, чем термин «первобытное общество». Другое дело, что это позволило вынести за скобки научного дискурса и социологического словаря такие явления, как первобытный коллективизм, общая собственность, равнообеспечивающее распределение.

Постэкономисты утверждают, что из-за грубых ошибок в переводе трудов классиков марксизма возникло иррациональное понимание общественно-экономической формации. По словам В. Иноземцева, использование этого термина «вычеркнуло из марксизма одну из основных идей К. Маркса – мысль о двух кругах развития общества: первом – последовательной смене трех общественных (но не общественно-экономических – С. Ш.) формаций – и втором – смене способов производства внутри экономической эпохи» [16, с. 93]. Из этого следует, что в аутентичной марксистской теории три, а не пять общественных формаций, при этом первичная формация понимается как еще неэкономическая, а третичная (коммунизм) – как уже неэкономическая.

Не оценивая внесенные предложения, требующие отдельного текстуального анализа, вернемся к рассмотрению первобытного общества. Одной из его черт является отсутствие избыточного продукта, более того, очевидна незаинтересованность первобытных коллективов накапливать что-либо про запас даже в тех случаях, когда это было возможно. Иначе говоря, хозяйственная активность не выходила за рамки необходимого и достаточного уровня обеспечения средств жизни. Это можно расценивать как крайнюю непредусмотрительность или некое мистическое чувство меры, но главное, что такой подход определял отношение первобытных людей к природе и друг другу. Мотивами выступали внутренние побуждения – инстинкты и традиции, а человеческая деятельность носила неосознанный характер, т. е. являлась не трудом в собственном смысле слова, а инстинктивной активностью. Как отмечал К. Маркс, «труд еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы» [16, с. 189].

Переход к экономическому обществу можно понимать как отрицание предыдущего состояния. Он произошел в результате трансформации человеческой деятельности и становления труда, доминирующим мотивом которого выступали материальные интересы. Труд, в отличие от инстинктивной ак-

тивности, носит осознанный характер, предусматривающий целеполагание и абстрактное мышление. Важнейшими чертами экономической эпохи являются рыночный обмен, частная собственность и эксплуатация. В данную эпоху исследователи включают все классовые формации, основываясь в том числе на следующем положении К. Маркса: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [18, с. 8]. Названные способы производства сходны в том, что в них господствующее положение принадлежит экономическим факторам и отношениям, а не религиозным или политическим, как, например, в теории локальных цивилизаций А. Тойнби.

Постэкономический строй, идущий на смену экономической эпохе, должен, как предполагается, постепенно преодолевать ее атрибутивные признаки – рынок, частную собственность и эксплуатацию – путем нового преобразования деятельности и превращения труда в творческую активность с неутилитарной мотивацией. Соответственно, формируется новая система ценностей и общественных отношений. Обобщая зарубежную литературу по данной теме, В. Иноземцев отказался от попыток дать строго научное определение понятию «постэкономическое общество»: «На наш взгляд, попытка определения социума будущего в “позитивном” аспекте, через обнаружение его фундаментальных отношений и закономерностей, сегодня не может быть в полной мере плодотворной; возможности современного обществоведения ограничены лишь изучением предпосылок возникновения этого социального устройства и указанием на ряд тенденций, наиболее важных для его становления» [16, с. 9]. Рассмотрим кратко эти предпосылки и тенденции становления постэкономического социума.

Как отмечалось, главным фактором данного процесса и его движущей силой выступает изменение самой природы человеческой активности. Суть фундаментальной трансформации деятельности состоит в преодолении труда и его замене творчеством. Отметим, что тема преобразования труда – облегчения, избавления от вредных условий и непосильных физических нагрузок, монотонности и т. д. – центральная как для всех футурологических построений, так и для обыденного сознания. С ней, в частности, связаны древние мечты о «золотом веке», когда люди находились в полной гармонии с природой и могли получать средства к жизни «без труда и усилий». В народных сказках многие герои решают эту проблему с помощью чудодейственных средств – золотой рыбки, щучьего веленья и т. п. Такие наивные восприятия, как отмечала И. И. Чангли, «не лишены великого пророческого смысла» [19, с. 131].

В марксистской теории возможности изменения характера производственной деятельности рассматриваются в двух аспектах с учетом развития материально-технической базы производства и создания социально-психологических условий самореализации человека. Маркс и Энгельс не приняли популярный в либеральной и теологической литературе тезис об «освобождении труда», утверждая, что «труд уже стал свободным во всех цивилизованных странах; дело теперь не в том, чтобы освободить труд, а в том, чтобы этот свободный труд уничтожить» [20, с. 192]. Под уничтожением труда понималось несколько комплементарных направлений: во-первых, «превращение труда в самодеятельность» [20, с. 95], т. е. добровольное, без внешнего принуждения, самостоятельное проявление человеческой активности, обусловленное внутренней мотивацией; во-вторых, формирование потребности в труде как способе самоактуализации. С психологической точки зрения это означает развитую способность получать удовлетворение, радость от самого процесса деятельности. Именно это имел в виду известный фантаст Р. Бредбери, когда писал, что на вопрос студентов: «Как прожить без труда?» – он отвечал: «Полюбите свою работу». В-третьих, уничтожение труда – это изменение соотношения овеществленного и живого труда, и, как следствие, новое качество рабочей силы, новый тип работника. Овеществленный труд – орудия производства, техника и др. – должны уступить господствующее положение живому труду в форме изобретательности, инновационности, «творческой жилки». Исследователь Ф. Т. Михайлов назвал этот процесс «первой промышленной революцией наоборот» [1, с. 66]. Действительно, это революционные изменения глубинного уровня и синтетического плана, которые начались только во второй половине XX в.

Вместе с тем такие преобразования труда не следует понимать как исчезновение или устранение продуктивной активности человека в хозяйственной сфере, а тем более как оправдание безделья, демонстративного отказа от труда. Подобное, как известно, прокламируют некоторые представители отдельных молодежных субкультур (хиппи, панки и т. п.), а также добровольные маргиналы (обездоленные бродяги, отшельники и пр.). Как бы предвидя подобный вариант толкования идеи уничтожения труда, К. Маркс отмечал: «Действительно свободный труд, например, труд композитора, представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение» [21, с. 110].

Постэкономическая теория рассматривает в качестве центрального положения превращение труда в творчество. При этом творчество понимается как внутренняя, рациональная активность, имеющая неутилитарные мотивы. Так, В. Иноземцев писал: «Мы утверждаем, что *определить деятельность*

как труд или творчество может только сам субъект» [16, с. 220]. Следовательно, речь идет не просто об обогащении содержания труда и придании ему творческих элементов в связи с технико-технологическими усовершенствованиями, а о кардинальных изменениях личностного смысла деятельности для его субъекта. Такой подход, безусловно, правомерен и отражает современные тенденции развития материального производства, которые наиболее рельефно проявляются в развитых странах.

К числу таких тенденций можно отнести прежде всего рост третичного сектора, т. е. сферы услуг, по сравнению с первичным (сельское хозяйство) и вторичным (промышленность) секторами. Этот процесс становится все более характерным и для развивающихся стран, в том числе для Беларуси, хотя количественные его параметры здесь скромнее. Кроме того, заметна демассовизация производства в связи с повышением роли престижного потребления и стремлением учесть индивидуальные запросы потребителя. Важны и тенденции в развитии индивидуальных форм занятости, семейных предприятий на дому, электронных коттеджей (по Тоффлеру), соединения в одном субъекте производителя и потребителя, названного Э. Тоффлером «просьюмер», что особенно характерно для тех видов деятельности, в которых предметом является информация – сбор, анализ, программирование и т. д.

Все это показывает, что современное производство нуждается в элементах креативности, и они пробуждаются в людях в массовом масштабе. Прежние представления о творчестве как о созидании новых духовных ценностей в искусстве, культуре, т. е. вне материального производства, или о религиозно-философских исканиях (Н. А. Бердяев), проектно-конструкторской разработке производственных процессов существенно расширяются. Творчество благодаря высоким технологиям, организационным инновациям и информации проникает во все детали и операции производственного процесса. Тем самым новые производственные структуры выступают залогом становления творческой деятельности как основной характерной черты постэкономического строя. Одновременно этот строй формируется путем отрицания атрибутивных черт экономического общества – рынка, частной собственности и эксплуатации. Рассмотрим, как логика этого процесса представлена в теории постэкономического общества.

Рыночный обмен устраняется путем двойной деструкции его ядра, каковым является стоимость и со стороны производства, и со стороны потребления. Напомним, что, согласно марксистской теории, рыночная анархия может быть заменена плановой организацией только в результате политической революции. Постэкономисты считают, что революция действительно происходит, но не

политическая, а социальная, «молчаливая», «тихая», подобная той, которая наблюдалась в неолите, когда совершился переход от собирательства и охоты к оседлому земледелию. Со стороны производства стоимость разрушается в силу того, что творчество нельзя редуцировать к простому труду, а значит, невозможно квантифицировать издержки по созданию благ и услуг. Знания и информация выступают главным ресурсом производства, а человек становится субъектом творческих процессов, значимость которых не может быть оценена в экономических категориях [16, с. 323]. Попытки определить цену информации через цену товаров, в производстве которых она использована, оказываются безрезультатными, так как информация не исчезает в товаре, как материалы или энергия, и может быть применена другим производителем в совершенно ином направлении.

С точки зрения потребителя стоимостные оценки не имеют значения, если его предпочтения не утилитарны и выбор совершается на основании иных мотивов и ценностей. Таким образом, рыночный обмен теряет свое критериальное основание – стоимостную оценку эквивалентности, а вместе с тем и свою структурирующую функцию – и должен уступить место иным формам взаимодействия, в том числе товарному обмену.

Частная собственность, как известно, является краеугольным камнем рыночной экономики. О возможности замены частной собственности на общественную первыми заговорили утописты. Классики марксизма определили этот процесс как обобществление производства. Постэкономисты такой путь считают бесперспективным, поскольку он ведет к таким непредвиденным последствиям, как отчуждение собственности от производителей и дезорганизация системы стимулов эффективного хозяйствования. На их взгляд, современные тенденции трансформации собственности содействуют доминированию личной собственности, характеризующейся соединенностью работника и условий его деятельности. Основаниями для этого являются возрастающая роль знаний как непосредственного производственного ресурса, доступность информации, изменение мотивации и статуса работника интеллектуальной деятельности. Человеческий капитал, как усвоенное полезное знание, по самой своей природе индивидуализирован и в этом смысле является личной собственностью. Интеллектуалы продают не свою рабочую силу, а готовый продукт (информационные программы, технологии и др.) или свою деятельность при оказании тех или иных услуг. Огромные массивы знаний не являются чьей-либо собственностью, точнее, они могут быть присвоены каждым, кто способен их ассимилировать, преобразовать и направить. Именно поэтому проблема преодоления частной собственности становится на конструктивную основу.

Постэкономическое общество устраняет один из главных пороков предшествующего периода – эксплуатацию, т. е. неэквивалентный обмен, безвозмездное присвоение результатов чужого труда. Ее преодоление традиционно связывают с устранением имущественного неравенства, классового расслоения. Постэкономисты переносят этот процесс в субъективную сферу, делая ставку на социопсихологические изменения самого человека. Как подчеркивал В. Иноземцев, «устранение эксплуатации возможно прежде всего в форме преодоления специфического феномена сознания» [16, с. 8]. В это достаточно спорное положение, видимо, заложена идея о том, что творческий человек не подвержен эксплуатации, поскольку свое богатство – человеческий капитал – он использует как личную собственность. Вместе с тем он и не заинтересован в эксплуатации других, ведь его мотивы выходят за пределы материальных целей, он сосредоточен на личностном развитии и самоактуализации. Для того чтобы расширять свой кругозор, приобретать знания, вести инновационный поиск, эксплуатация не нужна.

Подводя итог краткому анализу теории постэкономического общества, отметим некоторые позиции.

1. Безусловно, постэкономическое общество – это не новая формация в классическом смысле слова. Авторы называют его эпохой, строем, состоянием социума, что, наверное, оправданно. Но это и не очередное название современного капитализма или посткапитализма. В любом случае при устранении рынка, частной собственности и эксплуатации формируется иное общество. Возможно, полезно было бы обратиться к социалистической терминологии, но авторы избегали ее, сводя социализм к советскому строю, не упоминая даже о китайском пути, опыте социал-демократов и др.

2. Авторы действительно заметили многие тенденции, характерные прежде всего для развитых стран. О том, что их анализ имеет и прогностическое значение, говорит следующий вывод: «Преодоление стоимостных регуляторов общественного производства неизбежно вызовет, причем в обозримом будущем, серьезные пертурбации на фондовых и финансовых рынках, показатели которых уже сегодня безумно далеки от реального состояния экономики» [16, с. 464]. На это предупреждение, высказанное более десяти лет назад, не обратили внимания ни международные финансовые институты, ни правительство, а кризис все-таки разразился и именно по указанной причине.

3. Обсуждение проблемы неравенства, на наш взгляд, проведено недостаточно глубоко и конструктивно. Допускается, что в постэкономическом обществе неравенство не только не преодолевается, но и имеет возможность возрасть. Правда, оговаривается, что это уже будет не классовое (возникаю-

щее в силу аскрипции или имущественных преимуществ), а интеллектуальное неравенство. Думается, что при таком подходе неравенство невольно отождествляется с различиями. Различий демографических, расовых, национальных, конфессиональных и прочих действительно много. Некоторые из них могут превращаться в неравенство при их субстанциализации, т. е. утверждению в качестве основы оценки личности, ее черт, способностей и т. д. Но это происходит лишь там, где сознательно используются специальные инструменты демаркации (кастовый строй, рабство, крепостничество, гугеноты во Франции и т. д.). В естественном процессе многообразия индивидуальных различий, определяющих уникальность каждого человека, выполняет также компенсаторную функцию, поскольку отставание в одной области, как правило, восполняется успехами в других сферах. Такого рода различия способностей в масштабах социума дополняют друг друга, украшают жизнь, не создавая неразрешимых противоречий. Именно это имел в виду Платон, предлагая формулу «каждому свое» в качестве принципа идеального общества. В то же время излишнее и неоправданное расслоение, чем бы оно ни вызывалось, ослабляет общество. Обратим внимание на следующие слова К. Маркса: «Жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ» [21, с. 402]. Одним словом, общество будущего должно преодолевать неравенство или, по крайней мере, не оправдывать его сохранение и рост, иначе жизнеспособность этого общества окажется ниже, чем в предшествующем строе.

4. Смушает также отсутствие анализа коллективной формы собственности, в том числе интеллектуальной; наблюдается сугубо субъективный подход к пониманию творчества и преодоления эксплуатации. Бегло отмечается, что движение к постэкономическому социуму становится возможным после того, как удовлетворены материальные потребности и понята действительная роль знаний. На наш взгляд, и то, и другое следует оценивать на основе эмпирических данных, привлекая не только статистику, но и социологические исследования.

5. Для стран СНГ рассматриваемые проблемы кажутся весьма далекими, но важно уже сегодня обращать на них внимание, поскольку они имеют не только теоретическое, но и практическое значение, которое будет только возрастать. Мы видим в современной Беларуси достаточно бурные процессы информатизации, развитие высоких технологий и другие тенденции, которые способствуют превращению труда в творческую активность все большего числа людей. Интересно и то, что на постсоветском пространстве дифирамбы курсу «рынок-

визации» подавили голоса скептиков, что затрудняет трезвый аналитический подход. То же можно сказать и относительно частной собственности как

вечной категории. Пожалуй, обращение к теории постэкономического общества позволит выработать более конструктивный подход.

Коллективизм vs индивидуализм

Термин «коллектив» («коллективизм») оказался в эпицентре идейной борьбы еще со времен выхода на арену общественной мысли первых утопистов, а с середины XX в. он стал одним из символов холодной войны. Либерально-индивидуалистическое общество стремилось не допустить этот термин ни в теорию, ни в повседневные практики общения, в то время как солидарно-коллективистическое делало ставку именно на укрепление и развитие коллективистского начала (по крайней мере, это декларировалось). В силу этого западные исследователи, особенно социальные психологи, пытаясь раскрыть механизмы взаимодействия людей, обращались исключительно к малым группам, изучали групповую динамику со стороны коммуникативных процессов эмоционального характера – симпатии, конформизма и т. д. Отдельные социологи использовали понятие коллектива, но не в категоризованной форме, а слишком обобщенно и схематично. Так, Т. Парсонс под коллективом понимает такую систему действий в которой «участники определяют некоторые действия – как необходимые в интересах интеграции данной системы, а другие действия, как несовместимые с этой интеграцией, потому и санкции организуются с учетом этого определения» [14, с. 181]. К «эмпирическим коллективам» он относит «семьи, церкви, фирмы, правительственные организации, университеты» [14, с. 275]. Верховным социальным коллективом является общество как страна-государство. Пытаясь построить некоторую типологию, Т. Парсонс выделяет три типа коллективов:

1) община – преобладание экспрессивных интересов, т. е. символично-выразительных, нематериальных;

2) организация – преобладание инструментальных интересов;

3) ассоциация, имеющая «эксплицитные и формализованные правила, а также дифференцированные органы для осуществления действия (включая интерпретацию правил и принуждение к их исполнению)» [14, с. 184].

В период маккартизма Т. Парсонс решил ввести этот «просоциалистический» термин, однако в понимании природы коллектива и его возможностей исследователь не вышел за рамки абстрактных представлений. Психологическую теорию коллектива разработала группа советских ученых под руководством А. В. Петровского [23]. К сожалению, в силу ряда причин воплотить ее в жизнь не успели, а сегодня и в постсоветских странах она вытеснена на периферию и научного интереса, и учебных программ. На практике сохраняется некоторое ме-

тафорическое аддитивное представление о коллективе как «штатной численности персонала» предприятий, организаций, учреждений. Это значит, что исследования социального капитала коллектива необходимо начинать с четкой экспликации исходного понятия. Коллектив – это группа, в которой «межличностные отношения опосредованы общественно ценным и личностно-значимым содержанием совместной деятельности» [23, с. 227]. Из этого следует, что, во-первых, коллективом не могут быть, например, мафия и подобные криминальные структуры, поскольку в их деятельности нет общественно ценного содержания; во-вторых, размер коллектива ограничен возможностью личных контактов: персонал крупного предприятия, тем более общество в целом, не является коллективом, но может и должен в идеале представлять собой сеть первичных коллективов, скоординированных на основе солидарности (и в этом смысле термин адекватен); в-третьих, коллектив отличается от диффузной группы, случайного сообщества, толпы, компании тем, что объединяющим началом в нем выступают цели, нормы и ценности совместной деятельности, а не просто личностные эмоциональные реакции друг на друга или на окружающее. Группа, возникающая по воле обстоятельств из незнакомых индивидов (учебная группа первокурсников, отделение новобранцев, новая спортивная команда, бригада и др.) имеет потенциал роста в сторону подлинного коллектива, но существует также и опасность деградации – распада на группки, изоляции, борьбы, вплоть до непримиримых внутренних конфликтов. В этом плане формирование коллектива приобретает важнейшее практическое значение в качестве источника социального капитала.

Основными параметрами коллектива являются следующие:

1) коллективистическое самоопределение – форма взаимодействия индивида и группы на основе интернализованных коллективных целей, норм и ценностей, позволяющая индивиду свободно и избирательно относиться к коллективным инновациям и групповому давлению, не становясь на позиции конформизма или нонконформизма (негативизма);

2) действенная групповая эмоциональная идентификация – межличностное отождествление, при котором переживания одного из членов становятся мотивами поведения других, направляя их деятельность на достижение общей цели и одновременное блокирование источника (фрустратора) пережива-

ний коллеги. Это не сумма эмпатий, альтруизма, а новый тип отношений на основе нравственных ценностей сотрудничества ради общей цели;

3) возложение и принятие ответственности – адекватная самооценка вклада и персонализация ответственности за успехи и(или) неудачи коллектива (победу или поражение в спорте);

4) мотивация выбора в межличностных отношениях – устойчивая структура мотивов индивиду-

альной предпочтительности, определяющая ранги акторов с точки зрения их потенциала в решении коллективных задач;

5) ценностно-ориентационное единство – показатель сплоченности как интегральная характеристика внутриколлективных связей, отражающая степень согласованности оценок и позиций по наиболее значимым факторам совместной деятельности (ресурсам, распределению и т. д.).

Библиографические ссылки

1. Освобождение духа / под ред. С. А. Гусейнова, В. И. Толстых. М. : Политиздат, 1991.
2. Ципко А. С. Хороши ли наши принципы? // Новый мир. 1990. № 4. С. 173–204.
3. Чернышёв С. Новые вехи // Знамя. 1990. № 1. С. 151–166.
4. Шавель С. А. Расширенный порядок как манифест рыночного фундаментализма // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 52–63.
5. Кимлика У. Современная политическая философия. Введение / пер с англ. С. Моисеева. М. : Изд. дом Гос. ун-та, Высш. шк. экономики, 2010.
6. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995.
7. Маркс К. Капитал : в 3 т. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1954.
8. Маркс К. К критике политической экономии. М. : Госполитиздат, 1953.
9. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : Терра, 2008.
10. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995.
11. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.
12. Смелзер Н. Социология / науч. ред. В. А. Ядов. М. : Феникс, 1994.
13. Парсонс Т. Интеллектуальная автобиография // Социол. журн. 1995. № 2. С. 73–95.
14. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белянского. М. : Акад. проект, 2002.
15. Хайек фон Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, 1992.
16. Иноземцев В. За пределами экономического общества. М. : Academia : Наука, 1998.
17. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 23. М. : Политиздат, 1960.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 13. М. : Политиздат, 1959.
19. Чангли И. И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М. : Мысль, 1973.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 3. М. : Политиздат, 1955.
21. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 6. М. : Политиздат, 1957.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. Т. 19. М. : Политиздат, 1961.
23. Психологическая теория коллектива / под ред. А. В. Петровского. М. : Педагогика, 1979.

References

1. Guseinova S. A., Tolstykh V. I. (eds). *Osvobozhdenie dukha* [Liberation of the spirit]. Moscow : Politizdat, 1991 (in Russ.).
2. Tsipko A. S. [Are our principles good?]. *Novyi mir* [The new world]. 1990. No. 4. P. 173–204 (in Russ.).
3. Chernyshov S. [New milestones]. *Znamya* [The banner]. 1990. № 1. P. 151–166 (in Russ.).
4. Shavel S. A. Advanced Order as a Manifesto of Market Fundamentalism. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. № 1. P. 52–63 (in Russ.).
5. Kimlika U. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya. Vvedenie* [Modern political philosophy. Introduction]. Moscow : Publ. house of State Univ., Higher School of Economics, 2010 (in Russ.).
6. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [The theory of justice]. Novosibirsk : NSU publ. house, 1995 (in Russ.).
7. Marx K. *Kapital* [The Capital] : in 3 vols. Vol. 1. Moscow : Gospolitizdat, 1954 (in Russ.).
8. Marx K. *K kritike politicheskoi ekonomii* [To the criticism of political economy]. Moscow : Gospolitizdat, 1953 (in Russ.).
9. Bulgakov S. N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of the economy]. Moscow : Terra, 2008 (in Russ.).
10. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, purpose]. Moscow : Kanon, 1995 (in Russ.).
11. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected research works]. Moscow : Progress, 1990 (in Russ.).
12. Smelser N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow : Feniks, 1994 (in Russ.).
13. Parsons T. [Intellectual autobiography]. *Sotsiol. zhurn.* [Sociol. j.]. 1995. No. 2. P. 73–95 (in Russ.).
14. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [About social systems]. Moscow : Akad. proekt, 2002 (in Russ.).
15. Hayek von F. A. *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma* [The pernicious presumption. Errors of socialism]. Moscow : Novosti, 1992 (in Russ.).
16. Inozemtsev V. *Za predelami ekonomicheskogo obshchestva* [Outside the economic society]. Moscow : Academia : Nauka, 1998 (in Russ.).
17. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works] : in 5 vols. Vol. 23. Moscow : Politizdat, 1960 (in Russ.).
18. Marx K., Engels F. [Works] : in 50 vols. Vol. 13. Moscow : Politizdat, 1960 (in Russ.).

19. Changli I. I. Trud. Sotsiologicheskie aspekty teorii i metodologii issledovaniya [Work. Sociological aspects of the theory and methodology of the study]. Moscow : Mysl', 1973 (in Russ.).
20. Marx K., Engels F. Sochineniya [Works] : in 50 vols. Vol. 3. Moscow: Politizdat, 1955 (in Russ.).
21. Marx K., Engels F. Sochineniya [Works] : in 50 vols. Vol. 6. Moscow: Politizdat, 1957 (in Russ.).
22. Marx K., Engels F. Sochineniya [Works] : in 50 vols. Vol. 19. Moscow: Politizdat, 1961 (in Russ.).
23. Petrovsky A. V. (ed.) Psikhologicheskaya teoriya kollektiva [Psychological theory of the collective]. Moscow : Pedagogika, 1979 (in Russ.).

*Статья поступила в редколлегию 25.01.2018.
Received by editorial board 25.01.2018.*